

Н.Я. Соколов. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЮРИСТОВ. ПОНЯТИЕ. СУЩНОСТЬ. СОДЕРЖАНИЕ. Учебное пособие. М.: Проспект, 2014. 320 с.

В российской юридической науке вопросам правосознания, правовой культуры, профессиональной культуры юристов уделяется недостаточно внимания. Вот почему рецензируемое учебное пособие Н.Я. Соколова представляет и научный, и практический интерес.

Несомненным достоинством книги является наличие в ней огромного количества эмпирического и статистического материала, множества таблиц, схем, рисунков, что существенно расширяет круг читателей, делает выводы и предложения автора весьма убедительными.

Пособие состоит из введения, пяти глав и заключения.

Глава I *“Профессиональная культура юристов в условиях становления правового государства”* имеет ярко выраженный теоретический характер. Здесь раскрываются понятия сущности и содержания профессиональной культуры юристов, которая определяется автором как обусловленная разделением труда разновидность правовой культуры общества, представляющая собой меру освоения и практического использования юристами (как социально-профессиональной группой) правовых ценностей, передаваемых в порядке преемственности путем правового воспитания и юридического образования.

Юридическая профессия, считает Н.Я. Соколов, – это официально признанный государством и регламентируемый законом род деятельности, связанный с правовым регулированием общественных отношений, обеспечением соблюдения членами общества правовых предписаний, требующий необходимых знаний и навыков, приобретаемых путем юридического образования или практического опыта, накладывающий на юристов социальную ответственность за эффективное выполнение возложенных на них обязанностей в системе общественного разделения труда.

В главе в качестве самостоятельного выделен вопрос о характеристике юристов как социально-профессиональной группы. Раскрывается социальный и профессиональный характер труда юристов, прослеживается история возникновения и развития профессиональной юридической группы.

В гл. II *“Методологические вопросы исследования профессиональной правовой культуры”* автором раскрывается значение всеобщих, общенаучных и частнонаучных приемов, способов и средств в ее познании.

Особое внимание уделено методу моделирования и структурной таксономии. Приведя дискриптивное (описательное) определение профессиональной правовой культуры в качестве методологической основы, автор, вместе с тем, исходит из конструктивного понятия профессиональной правовой культуры юристов как совокупности количественно-качественных оценок сфер направленности, опыта и мотивации профессионального сознания, сопряженных с характеристиками реальной деятельности и поведения в сфере права.

Весьма оригинально описана методика социологических исследований правовой культуры юристов. При этом была использована квотная выборка внутри каждой специализи-

рованной профессионально-юридической группы. В ходе исследования применялись анкетирование и интервьюирование юристов. Опрошенные юристы выступали одновременно и как представители определенной социально-профессиональной группы, и как эксперты, обладающие запасом специальных знаний.

Опросы проводились во время обучения сотрудников юридических органов на факультете повышения квалификации Российской правовой академии, факультете повышения квалификации Российской академии правосудия, в Институте повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры РФ, в Санкт-Петербургском юридическом институте Генеральной прокуратуры РФ. Юрисконсульты опрашивались во время их нахождения на занятиях в школе бизнеса “Статут”.

Было распространено 1200 бланков опроса. В числе опрошенных были: судьи – 109, прокуроры – 106, следователи – 137, адвокаты – 103, юрисконсульты – 111, нотариусы – 115, судебные приставы – 119. Редко сейчас встретишь столь представительный социологический материал.

В гл. III *“Функции и структура профессиональной культуры юристов”* рассматриваются их соотношение и взаимосвязь. Первичной функцией профессиональной правовой культуры, по мнению автора, является *регулирующая функция*, которая свойственна в целом системе правовой культуры, а не отдельным ее структурным элементам.

Ведущий характер регулирующей функции обуславливается свойством сознания не только отражать действительность, но и направлять деятельность человека на преобразование окружающего мира. Таким образом, регулирующая роль правовой культуры проявляется в направлении ее действия. На этой основе люди регулируют и координируют свое поведение, придают целенаправленный характер своей деятельности, избирают одну из возможных альтернатив, преодолевают трудности, предвидят последующие результаты.

Регулирующая функция конкретизируется, соответственно, телеологической, генерационной и праксеологической функциями.

Телеологической (целеполагающей) функции, с точки зрения Н.Я. Соколова, соответствует *сфера направленности* правовой культуры как один из важнейших ее структурных элементов. В свою очередь, она включает в себя *логико-нормативный (когнитивный)*, *эмоционально-образный* и *принципиально-волевой (поведенческий)* компоненты правовой культуры.

Любопытны и полученные автором данные о состоянии логико-нормативного (когнитивного) компонента, характеризующего правовую информированностью юристов, объемом их правовых знаний, широте кругозора. Так, по мнению 50% опрошенных, юрист должен знать отрасли законодательства, с которыми непосредственно связана его работа, а также ориентироваться в других отраслях. Вместе с тем многие из них руководствуются иными критериями опреде-

ления необходимого объема знаний вплоть до знания всего действующего законодательства (10%).

Полученные Н.Я. Соколовым данные подтвердили предполагаемую значительную неравномерность знания юристами норм действующего законодательства в зависимости от их специализации, а также выполняемых служебных функций внутри специальности. Как правило, они неплохо знают нормы права, определяющие их компетенцию, а также регламентирующие порядок их служебной деятельности. По мере же отдаления правовых норм от сферы общественных отношений, в которых юрист постоянно участвует как специалист, уровень знания соответствующих положений законодательства падает, подчас опускаясь ниже требований, предъявляемых к выпускнику высшего и даже среднего юридического учебного заведения. В то же время определенная часть юристов, как оказалось, не знает норм, определяющих правовое положение своей профессионально-юридической группы в целом.

Не менее интересны приводимые автором данные об оценочной функции и эмоционально-образном структурном блоке профессиональной культуры юристов. Большинство опрошенных отмечает, что их работа творческая, интересная, дает возможность работать на благо общества, осуществления властных полномочий. В то же время бросается в глаза, что, по мнению подавляющего большинства респондентов, она низко оплачивается и не гарантирует материальную обеспеченность. Одновременно почти половина опрошенных сомневаются в престижности своей профессии, способности удовлетворить желание лично бороться с правонарушениями.

Заслуживает внимания оценка юристами состояния действующего законодательства. Так, на вопрос: “Сталкивались ли Вы в своей юридической практике со случаями, когда, участвуя в процессе применения закона, Вы были бы внутренне не согласны с каким-либо из его положений?”, – получены следующие ответы: довольно часто – 39% опрошенных, редко – 45, очень редко – 11, таких случаев не было – 4%.

С интересом читается и раздел работы о пословицах и поговорках, касающихся юристов.

Обстоятельно и нестандартно проведен также анализ поведенческой функции и принципиально-волевой сферы профессиональной культуры юристов. В этой связи автором исследованы распространенность общих и специальных качеств юристов-профессионалов, степень их приближения к качествам, желательным для “идеального юриста”. Приводятся данные, характеризующие эту проблему в советский и постсоветский периоды.

Весьма интересен и раздел работы, посвященный оценке юристами правовой реформы. Опрошенные оценили реализацию правовой реформы не лучшим образом. Только треть респондентов считают, что в деле правового реформирования произошли серьезные сдвиги.

В гл. IV “Генерационная функция и сфера мотивов профессиональной культуры юристов” главное место уделено вопросам типологии юристов. В ее основу были положены *правовой консенсус юристов с точки зрения духа и буквы закона, а также их социальная активность в сфере права*. Эти критерии позволили выделить как наиболее желательные, так и нежелательные типы юристов, а также степень их распространенности в современных условиях. По мнению респондентов, основные типы юридических работников имеют следующую распространенность на практике: “прагматик” – 31 балл, “службист” – 29, “энтузиаст” – 24. Далее следуют “флюгер” – 22, “педант” – 21, “карьерист” – 20,

“антипедант” – 19,5, “бюрократ” – 19, “лжеюрист” – 12, “циник” – 12 баллов.

Интересно также представление юристов о мотивах правомерного поведения граждан.

В этой связи приводятся, в частности, ответы респондентов на вопрос: “Какими мотивами, на Ваш взгляд, руководствуются в своей профессиональной деятельности большинство знакомых Вам юристов?” (профессиональным чувством ответственности – 58,5%, профессиональным интересом к работе – 54, необходимостью оказания помощи гражданам, защиты их прав и интересов – 39, привычкой, сформировавшейся за время работы, – 27, возможностью получения личной выгоды – 27, чувством долга перед обществом и государством – 15, боязнью юридической ответственности – 8, общественным мнением – 5, поведением товарищей по работе – 3, боязнью нравственной ответственности – 2, негативными мотивами, реализуемыми неправомерными средствами, – 1,5, негативными мотивами, реализуемыми правомерными средствами, – 1, иными мотивами – 1, политическими убеждениями – 1%).

Своеобразным отличается подход Н.Я. Соколова и к соотношению профессиональной культуры и законности. По его мнению, имеющиеся в юридической литературе характеристики законности как принципа, метода, режима, требования имеет смысл рассматривать как различные, но не взаимоисключающие проявления единой сущности законности, заключающейся в строгом и неукоснительном соблюдении норм права, содержащихся в законах и других нормативных правовых актах. В законности необходимо видеть не только практическую, деятельностьную сторону, связанную с превращением нормативных предписаний в правовой режим жизни общества, но и субъективную, “внутреннюю”, связанную с представлениями, взглядами, установками, ценностными ориентациями личности, общества, составляющих его социальных групп, включая юристов.

Не остался в стороне от внимания автора и вопрос об отношении юристов к мораторию на смертную казнь. На вопрос о согласии с этой мерой ответы юристов распределились следующим образом: да, согласен – 31%, нет, не согласен – 57; затруднились ответить – 12,2%.

В гл. V “Праксеологическая функция и сфера опыта профессиональной правовой культуры” исследуется вопрос о соотношении понятий “профессиональная деятельность юристов” и “деятельность в сфере права”. Как полагает автор, профессионально-юридическая деятельность является конкретизирующим элементом в логическом ряду: деятельность – деятельность в сфере права – правовая деятельность – юридическая деятельность – профессионально-юридическая деятельность. Сфера деятельности и ее профессиональный характер – это те основные критерии, которые позволяют ограничить деятельность юристов от других видов деятельности.

Значительное место в главе отводится исследованию активности юристов как выражению праксеологической функции и сферы опыта их профессиональной культуры. Об оценке юристами своей повседневной деятельности в значительной мере можно судить по результатам ответов респондентов на вопросы, связанные с удовлетворенностью своей работой. На вопрос: “Насколько Вы удовлетворены своей работой в целом?”, – юристы ответили так: вполне удовлетворен – 40%, не совсем удовлетворен – 51, не удовлетворен – 6, затрудняюсь ответить – 3%. Таким образом, уровень удовлетворенности юристов своей работой можно считать достаточно высоким.

Значительное внимание уделено изучению мнения юристов об основных направлениях, путях упрочения законности и правопорядка в современной России. В этой связи заданный им респондентам вопрос был сформулирован следующим образом: «Какие из мероприятий, направленных на укрепление законности и правопорядка, являются, по Вашему мнению, наиболее эффективными?» На этот вопрос были получены следующие ответы: 54% опрошенных – обеспечение неотвратимости ответственности за правонарушения; 51 – улучшение правового воспитания граждан; 30 – последовательное проведение в жизнь судебной реформы; 27 – повышение требовательности к должностным лицам и хозяйственным руководителям за законность принимаемых решений; 24 – повышение уровня заработной платы юридических работников, 22 – повышение уровня профессиональной подготовки юристов, их правовой культуры, 21 – изменение законодательства и карательной практики в сторону усиления юридической ответственности; 19 – повышение престижа юридических органов и учреждений, 14 – более широкое участие населения в охране общественного порядка; 7 – повышение общей культуры в деятельности юридических органов и учреждений, более широкое внедрение в нее достижений науки и техники, 2 – увеличение числа работников юридических органов и учреждений, 2 – изменение законодательства и карательной практики в сторону смягчения юридической ответственности, 1% – усиление безопасности должностных лиц правоохранительных органов.

Высоко оценивая работу Н.Я. Соколова в целом, подчеркивая ее новаторский характер, отметим, однако, и некоторые неиспользованные возможности для углубления ее содержания.

Так, например, в нашем представлении для оценки степени объективности опросов юристов по тем или иным вопросам их профессиональной деятельности, быть может, было бы целесообразно узнать мнение других социальных групп, граждан, не имеющих специальной юридической подготовки, но постоянно сталкивающихся с правовыми проблемами и имеющих свое собственное мнение об эффективности профессионально-юридической деятельности. В стороне остался и вопрос о причинах недостаточно высокого и даже снижающегося уровня профессионализма юристов, их мастерства. Автор, конечно, говорит об этом обстоятельстве, но не дает оценки этой проблеме, не отвечает на уместные здесь вопросы: «кто виноват?» и «что делать?».

В будущих работах считаю также целесообразным осветить основные направления формирования профессиональной культуры юристов, определить субъектов практической реализации этих направлений. Таким образом, проблему профессиональной культуры юристов завершенной считать не представляется возможным.

**Геннадий Владимирович Дашков, профессор
МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юрид. наук, заслуженный деятель науки РФ**